

всего, книга Н. М. Токарского — первый более или менее полный обзор истории армянского зодчества, сделанный с привлечением огромного материала и с большим знанием дела. Автору нередко пришлось идти по еще не исследованному пути; поэтому его обзор перерастает в историко-архитектурное исследование, положительные результаты которого бесспорны. Уже это одно делает книгу Н. М. Токарского очень ценным вкладом в историю не только армянской архитектуры, но и армянской культуры в целом. Кроме того, книга подкупает простотой и ясностью изложения, что облегчает не специалисту усвоение большого материала, содержащегося в данной работе и накопленного многими годами упорного труда. Книга Н. М. Токарского хорошо послужит дальнейшему изучению истории армянского зодчества.

А. Л. Якобсон

Г. ОСТРОГОРСКИЙ. ВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ.

Byzantinoslavica, IX, 2, Прага, 1948, стр. 203—306.

За последнее время в советской исторической литературе появилось несколько обзоров, посвященных анализу научной деятельности Г. А. Острогорского.¹ Эти обзоры и рецензии доказали, что современное буржуазное византинovedение развивается в реакционном направлении и одним из его представителей является автор рецензируемой работы. Ныне Г. А. Острогорский выступил с большой статьей „Византийские писцовые книги“, в которой он поставил себе задачу „дать общий сравнительный анализ всех опубликованных доселе византийских писцовых книг, как уже изученных, так и оставшихся еще неиспользованными“ (стр. 206).

Внимание советских византинистов, а также историков всех других специальностей, занимающихся исследованиями общественно-экономических отношений в эпоху феодализма, справедливо будет привлечено широкой поставленной автором задачи. Со времени выхода в свет произведений Ф. И. Успенского, который впервые ввел в научный оборот византийские писцовые книги, как источник для изучения аграрных отношений Византийской империи,² прошло более полувека. За это время в научный оборот было введено большое количество памятников аграрных отношений Византии. Это время характеризуется большими успехами в области изучения истории аграрного строя Византии, которая разрабатывалась главным образом русскими учеными, как и византийские писцовые книги исследовались почти исключительно ими. Советское византинovedение подвергло общему пересмотру вопросы византийского феодализма, и работы советских византинистов (Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Дьяконов, Б. Т. Гррянов, А. П. Каждан) внесли много нового в изучение общественно-экономических отношений в византийской феодальной деревне. Естественно поэтому, что попытка дать общий анализ *всех опубликованных писцовых книг* Византии сама по себе должна вызывать и вызывает большой и вполне заслуженный интерес.

¹ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — „Вопросы истории“, 1945, № 3—4; М. В. Левченко. Рецензия на книгу G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940. — Виз. Врем. II (XXVII), 1948; его же, Рецензия на эту же книгу. — Вестн. Ленингр. ун-та. 1947, № 12.

² Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Зап. Новоросс. ун-та, 38 (1883); его же, Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 225 (1883), стр. 187—201; ч. 231 (1884), стр. 1—46, 189—335; ч. 240 (1885), стр. 1—52.

Поставленная автором широкая задача, а также небольшое количество хранящихся в наших библиотеках экземпляров журнала „Byzantinoslavica“, где помещена эта работа Г. А. Острогорского, заставляет нас воспроизвести перечень писцовых книг, которые автор считает важнейшими и которые легли в основу его исследования:

1. Практик пожалованных Андронику Дуке имений округа Алопекон, близ Милета, от июня 1073 г.: ed. F. Miklošich et T. Müller. *Acta et diplomata graeca medii aevi*, VI, pp. 4—15.

2—5. Практики владений Ксенофонтского монастыря от октября 1300, января 1318, ноября 1320 и января 1338 г.: ed. L. Petit. *Actes de Xenophon*. Приложение к Византийскому Временнику X (1903), №№ 3, 6, 7, 11.

6—8. Практики владений Зографского монастыря от января 1294, октября 1300 и мая 1320 г.: ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korabiev. *Actes de Zographou*, — приложение к Византийскому Временнику XIII (1907), №№ 53, 15, 17.

9. Практик грамот, пожалованных проиару Михаилу Мономаху, деревень Хантакс и Нисион от января 1333 г.: там же, № 29.

10. Славянский перевод практика владений Хиландарского монастыря от ноября 1300 г. изд. В. Мошин. Акты из Светогорских архивов; Споменик Српске Академие, 91 (1939), стр. 206—217.

11. Практик пожалованных Хиландарю деревень Евнух и Липсохорий от сентября 1317 г.: ed. L. Petit, *Actes de Chilandar I*. Приложение к Византийскому Временнику XVII (1911), № 38.

12. Практик пожалованной хиландарскому иеромонаху Калиннику части деревни Мализоны от сентября 1323 г.: там же, № 92.

13—15. Практик владений Лавры на Лемносе от января 1299 и октября 1319 г. и на Халкидике от января 1420 г.: изд. Александр Лавриот, *Κωνσταντινοῦ. Σύλλογος XXV* (1893/94), стр. 165—166, 163—165, 166—168.

16. Практик имения русского монастыря св. Пантелеймона в Ревеники 1425—1429 г.: Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона. Киев, 1873, № 27.

17—18. Фрагменты практиков владений Эсфигменского монастыря 1298/99 и около 1320 г.: ed. L. Petit et W. Regel, *Actes d'Esphigmenou*. Приложение к Византийскому Временнику XII (1906), стр. XIV—XV и XV—XVII.

19. Практик владений монастыря архистратига Михаила на Лемносе от января 1300 г.: F. Miklosich et T. Müller. *Acta et diplomata graeca medii aevi*, VI, pp. 256—258.

20. Фрагмент практика владений Меникейского монастыря 1344 или 1345 г. F. Miklosich et T. Müller. *Acta et diplomata graeca medii aevi*, V, pp. 123—125.—А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повелье српских владара. Београд, 1936, № 42.

В первом разделе работы (стр. 207—229) автор рассматривает вопрос о датировке писцовых книг, имеющий большое значение для исследователя; вместе с тем разрешение его является очень сложным, так как большинство „практиков“ содержат лишь указание о месяце и индиктионе в которых они изданы; год издания в большинстве случаев не указан и может быть установлен лишь путем привлечения остальных внутренних данных документа и сопоставления их с аналогичными данными, встречающимися в других документах. Здесь автор вносит поправки в даты практиков, которые были определены их издателями.

Хотя это не относится непосредственно к материалу раздела о датировке, мы считаем необходимым остановиться на одном положении автора,

встречающемся в этом разделе. Речь идет о грамоте, по которой при императоре Мануиле II Палеологе Русскому афонскому монастырю были переданы земли в тридцать зевгариев на Кассандре. Составил документ в качестве кефалии Кассандры Стефан Дука Редин, причем упоминается, что распоряжение исходит не от самого императора, а от его сына „всеблаженнейшего деспота“. Из этого факта Г. А. Острогорский выводит заключение, что здесь отражается установившееся в последнюю эпоху истории Византии положение, когда „жалкие ее остатки распались на ряд отдельных уделов, лишь формально связанных с центром наподобие древней Руси, фактически же живших своей особой жизнью под управлением младших членов династии“ (стр. 226). Поздневизантийский феодализм характеризуется дальнейшим развитием прони, как основного вида держаний в Византии. Возникнув в предшествующие периоды, в эпоху Палеологов развивается экскуссия, соответствующая западноевропейскому иммунитету, и в своем развитии достигает наибольшей полноты. Обладая полнотой налоговой экскуссии, будучи ограждены от вмешательства должностных лиц центрального, областного и местного аппарата, получая право управления и суда по отношению к зависимому населению, монастыри и светские феодалы превращали свои держания в замкнутые административно-хозяйственные округа, почти независимые от центральной власти: происходил процесс, о котором говорил Энгельс, утверждая, что сословие феодальной аристократии „... было включено в государственную организацию и сделалось одним из рычагов правительственной машины... Но чем более вклинивался этот новый элемент в старый государственный строй, тем более он потрясал основы этого строя“.³ Но все дело в том, что в Византии никогда не было „уделов“, и проводить аналогию между „уделом“ Киевской Руси и византийским феодальным держанием нет решительно никаких оснований. Эпоха Палеологов знает частные случаи, когда члены царствующего дома получали в управление отдельные области империи. Именно эта эпоха, характеризующаяся безграничным ростом крупных земельных владений, отмечена попытками укрепить династию. Члены царствующего дома, назначаемые правителями, бывали теснейшим образом связаны с Константинополем, и императоры могли в любое время убрать с постов областных правителей своих родственников, если они превышали свою власть, если они делали попытки превратиться в самостоятельных правителей. Отдельные правители из царствующей династии, действительно, сильно превышали свою власть, как это имело место в названном Г. А. Острогорским случае, когда сын Мануила II, деспот Андроник, в 1423 г. продал Фессалонику Венеции за 50 000 золотых номисм. Но это была не система, а исключение: Палеологи еще могли держать в своих руках представителей своей династии, в то время как у них не было больше сил, чтобы сдерживать в какой-либо степени крупных светских феодалов-пронiarов, стремившихся вырваться из-под опеки центральной власти.

Автор рецензируемого исследования стремится, далее, разрешить вопрос о том, какой характер имели писцовые книги в Византии, с какой целью они составлялись и кому шли записанные в них доходы (стр. 230), так как, по его мнению, имеющиеся работы Ф. И. Успенского, П. Безобразова и других исследователей не смогли разрешить этого вопроса. Все неясности и неточности в определении характера писцовых книг происходят, по мнению Г. А. Острогорского, вследствие „неясности представлений об отношениях феодального общества“ (стр. 232).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 406.

Нам уже приходилось⁴ отмечать, что Г. А. Острогорский, как и все буржуазные историки, неспособен понять движущие силы византийского феодального общества. И если Г. А. Острогорский говорит о неясности представлений об отношениях феодального общества, то эта неясность существует у буржуазных византинистов, в первую очередь у него самого, ибо только на основе марксистско-ленинского метода исторического исследования можно дать правильную характеристику феодальных отношений, и советские византинисты с успехом исследуют сложнейшие проблемы византийского феодализма.

Одной из особенностей трактовки форм византийского феодализма в буржуазной исторической науке является представление о том, что в сознании византийцев теснейшим образом переплетались фискальные и владельческие права. Отдельные исследователи доходили до предположения, что все права на землю исходили из первоначального предоставления феодалу права сбора определенной ренты с определенной земли. Одним из наиболее горячих сторонников этой теории является автор рецензируемого исследования. Наиболее отчетливо это формулируется Г. А. Острогорским именно в рецензируемой книге: „Земельное пожалование означало не только и не столько перенесение владельческих прав, сколько перенесение с государства на феодала права на получение с жалуемых земель сеньориальной ренты. В этом и заключается собственный смысл пожалования (курсив мой — Б. Г.), это прежде всего интересовало жалуемого и на это было обращено главное внимание жалующего, — и как владельческие права, так и вытекающие из них права на получение ренты просто переходили с жалующего на жалуемого, чаще всего без каких-либо ограничений или изменений“ (стр. 234).

Подобное утверждение находится в явном противоречии с показаниями документов, большое количество которых дошло до нашего времени. Как мы уже отметили, точка зрения Г. А. Острогорского не является одинокой. Многие исследователи шли дальше и утверждали, что прония возникла из пожалования права на получение ренты с населения определенного района. По мнению этих исследователей, право на ренту позднее стало рассматриваться в Византии как право на землю и сидящих на ней крестьян, признаваемых тем самым париками прониара. Этот вопрос имеет особое значение при определении характера пронии, вообще феодального держания и их развития в поздней Византии в особенности. Некоторые исследователи считали, что прония в IX—XII вв. не представляла собой поместья, земельной собственности, что она возникла как пожалование частному лицу права на сбор определенной суммы государственных налогов. Эта определенная сумма податей носила название *ποσότης*, и прония будто бы являлась пожалованием права на сбор этого *ποσότης*; лишь в позднее время это право превращается в право на владение землей, с населения которого прониары имели право взимать определенную сумму налогов. Эти исследователи явно принимали причину за следствие. Именно пожалование владений на основе пронии влекло за собой предоставление права на сбор налогов с населения жалуемых земель.

Ряд документов подтверждает высказанное нами положение и не оставляет никакого сомнения в том, что именно пожалование пронии влекло за собою одновременно, а зачастую (что особенно важно) и впоследствии право сбора определенной суммы налогов с населения терри-

⁴ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 137.

тории, переданной на основе прони. Возьмем хотя бы один пример. В 1343 г. кавалларий кир Мануил Месопотамит обратился к императору Иоанну V Палеологу с просьбой пожаловать ему право сбора с его прони, находящейся в Драхове, налогов на сумму 20 иперперов.⁵ Эта формулировка отчетливо показывает, что предоставление права налогов являлось следствием уже ранее пожалованного владения землей на основе прони. Это пожалование было сделано Иоанном V в особом хрисовулле на основе наследственного права на всю землю. После смерти Месопотамита все эти его права переходили к его детям и другим наследникам, также с правом передачи их по наследственному праву. Формулировка о *ποσότης*, приведенная в этом акте, полностью опрокидывает все обоснования теории о происхождении прони из предоставленного права сбора определенной квоты налогов. Подобное же значение *ποσότης* видно из описи Зографского монастыря в Фессалоникской феме, составленной сборщиком налогов Димитрием Апельмене,⁶ которую автор работы хорошо знает и подвергает анализу. Излагая содержание полученного им распоряжения о составлении описи, Апельмене говорит, что целью его является передать каждому владельцу определенный *ποσότης* с принадлежавшего ему владения.

Таких примеров очень много. Все они говорят о том, что пожалование прони — первичный, а предоставление права сбора налогов — вторичный акт, что эти акты разделены всегда некоторым отрезком времени, иногда очень большим. Ошибочность противоположных взглядов происходит от того, что изучение характера прони буржуазными учеными велось в полном отрыве от изучения византийской экскуссии (иммунитета), и Г. А. Острогорский не только не составляет в этом отношении исключения, но скорее представляет собою типичный пример буржуазного историка, в основе построений которого лежит порочная, идеалистическая, а поэтому антинаучная концепция понимания византийской истории.

Если бы изучение характера прони и экскуссии не велось изолированно друг от друга, то Г. А. Острогорскому не пришлось бы, анализируя императорский питтаки от февраля 1073 г. (стр. 234—236), „открывать“ известные истины и, указывая, что владельцу предоставляется право получать с пожалованных имений то, что доселе получала с них казна, заявлять, что „трудно представить себе более ясное доказательство перехода всех фискальных прав государства на землевладельца-феодала“. Этот вывод автор мог бы сделать, не предпринимая такого тщательного анализа этих актов, а лишь внимательно присмотревшись к формулировкам о налоговой экскуссии, встречающимся уже в XI в. и попадающимся все чаще и чаще в императорских хрисовуллах по мере того, как мы приближаемся к поздневизантийскому времени. Он увидел бы, что формулировки о налоговой экскуссии становятся настолько обычным явлением, что для них императорская канцелярия употребляет вместо подробных формул краткие схематические формулы, с перечислением всех налогов, от которых освобождается владелец или которые он получает право собирать.

В дальнейшем изложении автор останавливается на рассмотрении форм византийского феодального поместья, на анализе крестьянской

⁵ L. Petit et B. Korablev. Actes de l'Athos. V. Actes le Chilandar. Виз. Врем. XVII (1911), прил., стр. 277.

⁶ W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Actes de l'Athos. IV. Actes de Zoграфou. Виз. Врем., XIII (1907), прил., стр. 35—37.

стаси, соотношении между пахотной землей и виноградниками в подворных владениях крестьян, сводя имевшиеся уже до этого наблюдения, сделанные русскими учеными, главным образом, Ф. И. Успенским, П. Безобразовым, Б. А. Панченко и др. Составленная автором таблица (стр. 239), основанная на данных Зографского и Хиландарского монастырей, позволила автору притти к выводам, впрочем уже делавшимся другими исследователями, что неподделенная земля крупного землевладельца превосходила находившиеся в подворном владении крестьян участки в пять раз по Хиландарскому и даже в десять раз по Зографскому монастырю. Материалы, рассмотренные Г. А. Острогорским, позволили ему сделать вывод и о том, что, будучи территориально меньшим отрезком феодального поместья, подворные участки крестьян в то же время являются наиболее продуктивной и доходной частью (стр. 240) владения, вследствие чего в эксплуатации их больше всего были заинтересованы крупные землевладельцы.

При изучении писцовых книг наибольший интерес исследователя вызывает важная задача проникнуть в тайны сложного, запутанного византийского податного обложения, недостаточно еще изученного.

Несмотря на многие попытки приоткрыть завесу над этой „тайной“, делавшиеся в первую очередь русскими учеными, основные законы, по которым составлялись византийским фиском податные описи, остаются еще книгой за семью печатями. Автор разбираемой работы делает в этом направлении еще одну попытку.

В основу исчисления налогов автор кладет византийскую классификацию париков-зевгаратных, имеющих пару волов и нормальный земельный надел, и воидатных — имеющих одного вола и половинный земельный надел. Такая классификация вызвана, по мнению Г. А. Острогорского, тем, что „в нормально развивающемся хозяйстве естественно устанавливается известное соотношение и, так сказать, равновесие между количеством земли и рабочим скотом, которым владеет крестьянин“ (стр. 244).

Автор отмечает, что прежние исследователи пытались охватить все элементы, которые византийские податные органы учитывали при исчислении налогов: пастбищный взнос за скот, подушную подать по числу членов семьи и т. д. Здесь автор приходит к давно уже установленному русскими учеными выводу, что хотя все эти элементы и учитывались, тем не менее основой обложения было количество земли. Характеризуя по этому принципу отдельные описи, Г. А. Острогорский, рассматривая имущественное положение группы хиландарских крестьян Градца, приходит к неожиданному и совершенно необоснованному выводу, что здесь „бросается в глаза относительное благосостояние крестьянина (курсив мой. — Б. Г.) Градца“ (стр. 254). Этот ошибочный тезис о благосостоянии византийского зависимого крестьянства не нов для Г. А. Острогорского.

Мы уже имели случай показать ошибочность такого взгляда. Мы отмечали неправильность его утверждения о том, что земли зависимых париков в Византии были более производительными из всех земельных владений,⁷ что парики в крупных владениях были в сравнительно обеспеченном положении. Как раз тот материал, который он привлекает для доказательства правильности делаемого им вывода, противоречит тезису автора.

⁷ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141.

В самом деле, истина заключается только в том, что в поздневизантийское время дифференциация крестьянства достигла значительных размеров. Это видно на примере автора, взятом из описи Градца, в котором из 26 крестьянских семей у 20 есть и пахотные поля и виноградники, причем пахотные участки довольно значительны: 6 дворов владеют по 100 модиев, 3 двора — по 70 модиев, 10 дворов — по 50 модиев и только один крестьянин имеет 25 модиев земли. Но автор сам указывает, что в рассматриваемом им селе имеется крестьянин, владеющий лишь $\frac{1}{2}$ модия виноградника, есть крестьяне, имеющие 1 — $1\frac{1}{2}$ модия земли. Надо сказать, что взятый автором пример не является показательным, так как село Градец имело всего 26 дворов, а подобная малочисленность дворов не дает возможности делать обобщающие выводы. Имеется много описей, охватывающих гораздо больше крестьянских дворов и позволяющих с большим основанием привлечь их для решения вопроса о том, каково было „благосостояние“ византийского крестьянства. Часть этих материалов была привлечена нами в законченной в 1947 г. монографии о поздневизантийском феодализме; здесь мы хотим показать, что эти материалы опрокидывают теорию Г. А. Острогорского, как не имеющую под собой никаких оснований.

Те же акты Зографского монастыря, которые привлекает к исследованию Г. А. Острогорский, показывают нам совершенно иную картину. Составленная нами по писцовым книгам 1320 и 1333 гг. таблица, которую мы приводили в печатаемой в этом томе статье „Византийское крестьянство при Палеологах“ без всяких комментариев, показывает всю порочность выводов, которые всюду протаскивает Г. А. Острогорский.

Всякий беспристрастный исследователь увидит в этой таблице совсем не то, что хочет сказать Г. А. Острогорский, который прекрасно разбирается в материале, но, в угоду своим предвзятым идеалистическим взглядам, не желает его правильно использовать.

Таблица, составленная на основании актов Зографского монастыря, исследованных П. Безобразовым,⁸ показывает, что в писцовых книгах содержатся поименное перечисление париков, опись наделов каждого парика и сумма подлежащих уплате этими париками налогов. В этой описи значится 2 парика, имеющих по 100 модиев земли (один из них при 5 членах семьи), 1 парик с 25 модиями, 1 с 8 модиями и 13 париков, вовсе не имеющих своего земельного надела, причем лишь 6 из них имеют сад или виноградник, размером от $\frac{1}{3}$ до 2 модиев. Такая же картина наблюдается в передаточной грамоте, по которой императорский чиновник в 1323 г. передал иеромонаху Калинику треть владений в Мамиционах.⁹ По этой грамоте (в которой перечислены и парики, показаны площади пахотной земли и виноградника и размеры налогов) из 30 париков 9 вовсе не имеют виноградников, при небольших земельных наделах. Таких примеров в поздней Византии можно найти очень много. Все они свидетельствуют об обезземеливании крестьянства при одновременном выделении в византийской деревне зажиточной верхушки. Если мы сопоставим это с данными о тяжести налогового обложения, то это убедительно покажет нам всю глубину заблуждений Г. А. Острогорского о „благосостоянии“ византийских париков.

⁸ П. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. Виз. Врем., XVII (1910) СПб., 1911, стр. 403—414. Расхождение в годах объясняется тем, что том фактически вышел в 1911 г.

⁹ L. Petit et B. Korabiev. Actes de l'Ataös. V. Actes de Chilandar. Виз. Врем., XVII (1911), прил., стр. 194—193.

В литературе по внутренней истории Византии высказывались предположения, что византийские парики могли свободно распоряжаться своим имуществом на основе личной собственности. Положительным моментом в исследовании Г. А. Острогорского является то, что он на основе расстротения писцовых книг пришел к правильному выводу, что „отчуждение паричской земли на сторону нуждалось в разрешении сеньёра, и... сеньёр не допускал — или допускал лишь в исключительных случаях — отчуждения паричского имущества, которые могли повлиять на платежеспособность его крепостных и вызвать понижение причитающихся ему с них поступлений“ (стр. 266). Этот вывод не отличается новизной. Русские византилисты, в первую очередь Ф. И. Успенский и его ученики, давно этот вывод обосновали.

Большой материал рассмотрен Г. А. Острогорским для иллюстрации положения так называемых „элеветеров“ и стремления византийских светских феодалов и монастырей привлечь их на свои земли. Сделанный им анализ этих материалов позволил ему прийти к правильному выводу: что эти „элеветеры“ находились в процессе перехода от состояния свободных в состоянии полностью зависимых париков, что свидетельствует об усилении закрепощения остатков свободного византийского крестьянства в поздней Византии. Говоря о категориях „поздне-византийского крестьянства“ (стр. 283), автор стремится определить положение так называемых *ξενοπάριοι*. Этот термин часто встречается в поздневизантийских актах, но его особенности еще никем из византистов не были определены. Не удалось это сделать и автору рецензируемой работы. Он пишет лишь, что „отличительной чертой элеветеров...“ с которыми он отождествляет *ξενοπάριοι*, является их крайняя бедность (стр. 285), что они „несомненно состояли из беглых крепостных и разорившихся свободных крестьян“, вели „бродяжнический образ жизни и даже, оседая на поместьях феодалов, становясь под их защиту и попадая в зависимость от них, лишь очень редко выходили из состояния крайней скудости и необеспеченности, не приобретали обычно прочной оседлости и не сливались с коренным паричским населением“ (стр. 286).

Определение категории элеветеров на основе анализа текстов позволяет показать, что элеветеры были крестьянами, еще не записанными в государственные кадастры, еще не известными государственной казне, τῶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί. Эта категория состояла из крестьян, которые не имели земельных наделов и орудий производства и были вследствие этого свободны от налогов и повинностей, имея возможность свободно передвигаться из одного владения в другое. Попадая на земли светских феодалов или монастырей, они пользовались освобождением от налогов и повинностей до первого составления нового кадастра, когда они переводились в обычное состояние париков. Таким образом, элеветеры не были бывшими крепостными (как думает Г. А. Острогорский), бежавшими и вновь попавшими в поместья феодалов, а представляли собой переходную стадию незначительной прослойки свободного крестьянства, еще уцелевшего в поздневизантийское время. Этот слой становился все малочисленнее по мере закрепощения византийского крестьянства, и, чем ближе к концу истории Византии, тем реже упоминания этой категории в актах, относящихся к крестьянскому землевладению. Во всяком случае неприемлемым является модернизаторский термин „сельский пролетариат“ (стр. 286), который автор рецензируемой работы применяет по отношению к элеветерам, „свободнищи“, как их называет хиландарский практик.

Как и в других своих работах, Г. А. Острогорский утверждает в противоречии со всем доступным нам материалом поздних актов, что проиарские крестьяне были в лучшем положении, что они пользовались „льготным обложением“ (стр. 291). Не говоря уже о том, что он приводит данные лишь по одному документу, все поздние акты свидетельствуют о том, что положение проиарских париков было весьма тяжелым, что они испытывали гнет двойной эксплуатации — со стороны государства и со стороны своего проиарата-феодала, что, как говорит и наш автор, впадая в явное противоречие с самим собой, „... чем ниже были официально установленные платежи его крепостных, тем, очевидно, легче было выжать из них известные излишки, если не деньгами, то хоть продуктами“ (стр. 293). Даже приведенная нами таблица показывает, что и безземельные крестьяне не могли избежать обложения фиском, извлекавшим из крестьян большие средства. Но если этого мало, можно привести разительные примеры. Я назову хотя бы перечень налогов, которые должны были уплачивать крестьяне фессалоникской фемы. Мы говорим здесь о налоговом руководстве, составленном сборщиком податей фессалоникской фемы Константином Пергаменом в XIV в. и приведенном нами в печатающейся в этом томе нашей статье „Византийское крестьянство при Палеологах“.

Автор рецензируемой работы приводит данные для доказательства его вывода: „хозяйство византийских феодальных поместий... покоилось почти всецело на денежной основе и что феодальная рента... являлась преимущественно денежной рентой“ (стр. 295).

Эти данные понадобились автору для того, чтобы показать, что барщина в византийском феодальном поместье была невелика. Это также неверно. Отработочная рента постепенно вытеснялась денежной рентой, и мы видели в практике Константина Пергамена, какие большие размеры она принимала. Вместе с тем барщина была и в позднее время очень высокой, если учесть тяжесть налогового обложения, если принять во внимание, что взыскание налогов по иммунитетным грамотам возлагалось на проиаров-феодалов.

По мнению Г. А. Острогорского, аэрикон (с XIV в. — *αερις*) связывается с судебными правами византийского феодала-иммунита. Сбор этот, по его мнению, взимался первоначально за различные правонарушения, как в пользу пострадавшего, так и в пользу государственной казны. Как отмечает автор, вопрос о значении аэрикона выяснен опубликованием грамот Вазелонского монастыря в Трапезунде Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем (стр. 299, прим. 284). С аэриконом по характеру и значению сборов Г. А. Острогорский сближает также и *φοικόν*, денежное взыскание за убийство, и *παρδευοφδρία*, денежное взыскание за растление. Характеризуя эти сборы, автор утверждает, что „под влиянием славянского права (курсив мой. — Б. Г.) римский правовой принцип индивидуального преследования преступников стал в Византии со временем заменяться началом коллективной ответственности общины, выражавшейся даже при тягчайших преступлениях в денежных штрафах, наподобие древне-русской виры и южнославянской вражды“ (стр. 300). Правильно отмечает автор, что, передавая феодалу сбор аэрикона с зависимых от него крестьян, государственная власть Византийской империи в позднее время отказывалась в пользу феодала и от соответствующих своих судебных прав, как раньше отказывалась в пользу феодала от своих фискальных прав. В этом нужно усматривать переход византийской эскуссии — иммунитета от более низкой к более высокой его форме.

Вопрос о византийском иммунитете затрагивается Г. А. Острогорским вскользь, поскольку в основе исследования здесь лежат только писцовые книги. Изучение иммунитета должно вестись на основе кропотливого изучения всего богатейшего документального материала, дошедшего до нас от поздневизантийского времени. Это изучение вскроет многие, еще невыясненные в науке, особенности византийского феодализма.

Статья Г. А. Острогорского представляет некоторый интерес, как свод замечаний, относящихся к аграрной истории византийского крестьянства, в основном давно известных и сделанных главным образом русскими византистами. Порочная идеалистическая концепция Г. А. Острогорского мешает ему сделать правильные выводы. Только советские византилисты, работая на основе марксистско-ленинского метода, способны разобраться в сложном, еще недостаточно изученном комплексе феодальных отношений Византийской империи.

Б. Т. Горянов

Д. АНГЕЛОВ. ФЕОДАЛИЗМЪТ ВЪ ВИЗАНТИЯ.

Исторически преглед III (1946—47), кн. 2.

Для современного западноевропейского буржуазного византиноведения характерным является его идеалистическое направление. Признавая и всячески подчеркивая прогресс в истории Византийской империи, современные буржуазные историки рассматривают его как „прогресс духа“. „Основным для историка Византии, — пишет Г. Острогорский, — является вопрос, как... греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько он сумел себе эту форму подчинить и насколько сам ей подчинился и к ней применился“.¹ Еще ранее А. Гейзенберг утверждал: „Византия — это ставшая христианской Римская империя греческой нации. В этой тройственности заключены глубочайшие корни ее существа“.²

Наряду с идеалистической постановкой вопроса для современных буржуазных византинистов характерно стремление к идеализации Византийской империи; они подчеркивают, что сильная государственная власть создавала для Византии особое место в средневековом мире.³ Полемизуя с создавшимся в конце XVIII и начале XIX в. представлением о Византии как о „худшем государстве“,⁴ они пересматривают вопрос о цезарепапизме, о регламентации ремесла, о хозяйственной роли церкви, стремясь показать, что хозяйственная деятельность церкви была якобы плодотворной, регламентация ремесла содействовала его бурному развитию, а церковь вела независимую политику, сопротивляясь императорской власти. Современные буржуазные византилисты пересматривают характеристики отдельных политических деятелей, стремясь поднять на щит многих из тех, кто был осужден старой историографией: А. Грегуар, например, в рецензии на „Историю Византийского государства“ Г. Острогор-

¹ Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. — *Seminarium Kondakovianum* IV (1931), 122.

² А. Heisenberg. Staat u. Gesellschaft d. byzantinischen Reiches. — *Kultur d. Gegenwart*. Lpz., 1923, S. 304.

³ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1940, S. 18.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 192.